

РЕДАКЦИЯ „КВЕНЯНИНА“

Открыта для отправки в редакцию газетных сообщений...
Открыта для отправки в редакцию газетных сообщений...

КВЕНЯНИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

СУББОТА, 7-го МАЯ 1916 ГОДА

Г дь пятьдесят второй

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

„Квенянина“ с доставкой и пересылкой на год...
„Квенянина“ с доставкой и пересылкой на год...

ПОДПИСКА НА НОВЫЙ 5 1/2% ЗАЕМЪ 1916 ГОДА
продолжена по 13-е мая включительно
НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНИЯХЪ.
Въ Киевской Конторѣ Государственного Банка подписка принимается по прежнему ЕЖЕДНЕВНО,
не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Гордые извѣстия, что переносе тѣла
Любови Лукинышны
Аванасьевои
состоится сегодня, 7-го мая, въ 10 ч. утра, съ вокала въ церк-
ковѣ св. Александра Невского, в помѣщеніи погребенія на
Аскольдовой Могилѣ. P22012—

Интимный театрЪ. Дирекция А. Я. Мурза и С. Д. Малый
Сегодня 7-го мая,
И. В. ЛЕРСКИЙ.
В. В. МАКСИМОВЪ.
М. А. Лидарская, Бекефи.
А. Н. Каргановъ Я. Б. Махина

2-й город- („ШАТО“) Опера: Польша упрямъ. К. Д. Гренова
Сегодня, въ субб., 7-го мая, бѣдн. шовн. спектакль. 1) Веселая мелодичная опера.
„Донъ-Жуаны“ „Донъ-Жуаны“.

Театръ „СОЛОВЦОВЪ“.
Завтра вторая гастроль
М. М. Фокина
Вѣры Фокиной.
Театръ „СОЛОВЦОВЪ“.
Гастроли Московскаго театра Набаръ
Летучая мышь, Балевича.

Д-ръ Сергѣй Коломойцевъ
Д-ръ Н. Сергѣевъ
Прокормленіе Германіи. Въ послѣд-
нее время распространился вѣстн,

Городской т. Спектакли легкой комедіи.
Сегодня 7-го мая, въ 1-й разъ.
Всѣ хороши. Миссъ Гобсъ.
Тайна Женщины

Гимназія А. И. Алексѣевой
Дѣтскій садъ и пансіонъ.

Кіевскій Яхтъ-Клубъ
Мастерскія Ремесленной
Школы К. Б. О-ва

Алексѣевскій паркъ.
Дирекція Трудовое Товарищество: А. М. Прокофьевъ, Д. В. Покинъ, А. Я. Вахбергъ.
Сегодня и ежедневно въ паркѣ грандіозное гулянье.

Д-ръ ГОЛЬДЕНБЕРГЪ
Перельцевъ

Счастье.
М. М. Миклашевскаго.

Счастье.
(Изъ дневника матери).
М. М. Миклашевскаго.
Противъ тебя три наши столъ ор-
ганичной дружбы. Наступилъ мартъ, и

Брѣвѣ того, часами вожу съ дѣт-
ми, съ няньками, прислугой, и не
люблю свободной свободы...
Ахъ, это значить шутка, засыпалась
и тѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ—нѣтъ никогда не погна-
ютъ, не погнаютъ любви моей къ «нему»—
прошлагому и я, подивившись съ кресла,

Бояться, что эта угроза могла бы быть в действительности исполнена...

Если бы Германия попыталась привести свою угрозу в исполнение, от этого были бы голодные бунты миллионов людей и эпидемии, которые переросли бы в нашествие войска...

Наконец, в наших руках и в руках союзников во всяком случае свыше 1 1/2 миллионов заложников — австрийских и германских военно-пленных...

Ибо сейчас получается дикая, абсолютно непонятная вещь. Нам их пленных грозит морить голодом и требуют от них отправки хлеба из России...

Мы все так думаем, что газетная псевдистика так или иначе пропустит ошибки...

Проф. А. Билимович.

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Развивающийся на итальянском фронте события заставляют думать, что австрийцы пойдут вперед...

В случае столкновения с Италией австрийский генеральный штаб предполагал действовать наступательно...

В Италии австрийцы в кампаниях по этому плану австрийцами было затрачено много труда...

Действительность, однако, опрокинула предположения австрийского штаба...

Теперь, по мнению, средства для наступления в Италию у Австрии иссякли...

Но по чему же основаны надежды австро-германцев на победу над Италией? Если несогласованность в действиях держав...

3 мая на итало-австрийском фронте австрийская армия продолжала развивать наступление, начатый ею накануне...

Билимович.

На пункт.

Величественный, потемневший от времени дворец стоит на крутой горе и смотрит сводами своими окнами на много, много верст вокруг...

Высоко стоят панский дворец, и балконы его живописно повисли над обрывом...

Стоит он, потемневший, среди густого парка, пологого склоне на левый, подстриженный липовый аллей ведут к прекраснейшим прудам...

Старые дубы бережно охраняют террасу с призывающими к дому балконами...

Близко в зелени парка мрачная стемня дворца и переносит нас своими сводами окнами и причудливыми башнями в далекие времена, к давно ушедшим людям...

Теперь на вышке мрачного дворца развевается баян флаг, а на нем красная надпись...

«Передовой санитарный пункт Всероссийского земского союза...»

В этих залах, где, много лет назад, жила, умирали, любили и веселились блестящие магнаты края, где танцевали и шумно пировали в живописных восточных XVIII века, — там стоят теперь койки с вашими солдатскими, ранеными и последними боями...

А со стены скорбно глядят на них старые владыки дворца, в расширившемся золотом одежде, в дорогих доспехах...

По залам, гостиницам и обширным спальням бродят теперь санитары и сестры, и чувствуют, всем им чужды басы этого здания...

Любо и по утрам глядеть из окон мезонина, как неторопливо из-за горы выплывает солнце, а к вечеру поскорее спешить убраться за ним...

Любо и сидеть у окна и смотреть, часами как по шоссе «туда» — до позиции отсюда очень близко — тянутся обозы, плетется ихота, слышатся конница или грохочет артиллерия...

Любо и любоваться на живописную панораму окрестностей: журчит река и напевая, бьются по зеленому лугу, за которым виднеется село, а впереди ряды гор, выступающих своими откосами на долинах...

Визну, по саду, заскакивают глаза прекрасные цветы и несут свой чудный аромат набухающим лепесткам...

В парке бродят солдаты, сестры и офицеры. Дымятся кухни. Пахнет и фаршают котлетами...

Бутылки сутки не замирают на пунктах жизни. Подъезжают офицеры, ординары...

А по вечерам на ласковый огонь заходят офицеры гостевой батареи и коротают время с соседями докторами и сестрами...

В. Альбинов.

Действующая армия.

Петроградские слухи.

«Русск. Слово» телеграфирует из Петрограда: Петроград переживает сейчас эпоху «военных» слухов...

Всё сообщения о боях на двинском фронте, которые так сильно волнуют сейчас общество, являются плодом одной фантазии достижимых обывателей, или же, что вероятнее всего, эти слухи распространяются злоумышленными людьми...

В Лондоне. Гр. Алексий Н. Толстой даёт в «Рус. Вязь» такую характеристику нынешнего Лондона и того горячего приема, который был там оказан русскими журналистами...

ска неустанно следить за движениями неприятельских самолетов и прилагать все усилия, чтобы воспрепятствовать их проникновению в местность...

В Дубнѣ.

«Русскому Союзу» телеграфируют с фронта: Вот уже скоро 8 месяцев, как живописный возмский городок Дубно служит ареной беспрестанной борьбы...

Во время нашего прошлого года контрнаступления на Луцк захватил весь дубненский район австрийцы были отброшены за Икву и, таким образом, часть Дубны, раздвоенная на две реки, осталась в руках противника...

Несмотря на ожесточенные бои, происходившие даже на улицах Дубны, дважды переходившие из рук в руки, город поддался сравнительно в незначительной степени. Разрушений подверглись только дома и постройки на окраинах города...

На дачи, во время ночной разведки, мы никак не могли попасть в центр австрийской М-ской колонны, словоохотливый красавчик, стоявший с своим полком недалеко от Дубны...

Первоначально картофельный пункт, выдаваемый импортированными комитетом, равнялся 10—12 картофельным на взрослого человека на день, но мало помалу, по мере истощения запасов, пасть приходилось сокращать...

Нынешнюю еврейскую лавочку на Широкой улице. В них продается преимущественно галантерейная и базальная мелочь, как-то: солдатские зеркала, грелки, спички, табак, трубки, несколько старых корыток с консервами и засыпанные мухами пакеты шоколада...

Такая лавочка пахнет в 20 штук стоит крошечный магазинчик, коробка спичек — 50 галеров, шапка — 4 кроны — 6 кроны и коробка сардинки — 4 кроны...

Боевое затишье на дубненских позициях, уже несколько месяцев не нарушаемое ни с нашей, ни с австрийской стороны, даёт возможность обывателям появляться днем на улицах почти без опасения...

В Дубну помещается штаб лавочного полка, занимавший особняк колесника на Широкой улице. Офицеры этого полка редко со штабом устроив похолодный дождь, являющийся одновременно и рестораном, и кофейной, и кинематографом для солдат...

По предвечернему дымят в монастырь Честного Бреста и в костел совершаются богослужения для народа, на которых приходят и австрийцы.

На главной площади, против аптеки, воздвигнуты в назидание непокорному населению три вислицы, на которых время от времени и наказывают своего горемычного жителя какой-либо заповоронкой висеть на виду по 2—3 сутки...

Австрийские окопы и проволочная заграждения устроены прямо на Набережной улице. На набережной высятся дома в городе и в окрестностях Пальской церкви и Двухгорного монастыря австрийцы установили пулеметы.

Лондон.

Гр. Алексий Н. Толстой даёт в «Рус. Вязь» такую характеристику нынешнего Лондона и того горячего приема, который был там оказан русскими журналистами...

В Лондоне семь миллионов жителей, в 14 раз больше, чем в Киев, или равно населению Швеции и Норвегии, вместе взятых...

В Лондоне семь миллионов жителей, в 14 раз больше, чем в Киев, или равно населению Швеции и Норвегии, вместе взятых. Мы эти цифры не говорили равно ничего, я привнес в наш русский городок, где какой-нибудь чина или сильно закутанный купец может вызвать такого шума и треска, что потом десять лет будут помнить и удивляться, где фантазия губернского архитектора вдруг исковеркала всю физиономию города...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

всегда неяркое, желтоватое солнце, дробящееся в мутной воде Темзы.

И первое чувство, овладевшее мной при виде всего этого, украинское и индийское недаль преобладали в городе: Лондон — огромный, единый организм, в нем люди подчинены непреклонно закону жизни цыкла. Здесь город сильнее человека. Жизнь воли и предприимчивость только тогда находят выход, если своим силам, покуда не противоречат обществу, нравственности, традициям, общему маховику, который удерживает в равновесии всю эту громаду, диктует ей по определенному пути, начертанному в kami.

Да и не только отдаленно человеку, — закону не устоять против этой силы. Здесь обычный более догматичен, чем всякая б мага.

Безошибочность обычая, устойчивое равновесие жизни, отраженное во всем даже мелочах, — первое, что чувствуешь, въезжая в Лондон. Поэтому город кажется одним живым организмом, а не просто скопищем семи миллионов людей.

Но обычай есть также болезненное место Англии. Безразлично нельзя вычитать из этой, связывающей нас в прошлом, ни одного звена, хотя бы и трудно пришлося минутой, хотя бы, как это ослепительно сейчас, общество перешло много. Чрезвычайно характерна, например, борьба, какую ведут общественные организации и правительство с так-называемыми «военными дачами». Они начали появляться по множеству и незамужних девиц приблизительно с марта 1915 года. Это был скандал. — Англия должна быть нравственной, и о военных дачах запретили писать.

Судьба общественного или политического деятеля в Англию зависит от его безразличности: на него смотрят все страши, все страсти свои он должен направить на добро, на благо, иначе отправляется на континент и там проводит время, как в тюрьме, в угодии.

Общество раздвинуто на слои, но пробиться снизу вверх доступно всякому. Нужно только быть безразличным. И наоборот — на какой бы высокой ступени человек ни стоял, падение его, нарушение закона порядочности, стремления и безразличия. На этой высоте вырастают англичане. Англичане знают это и борются с ним. Они во многом сжаты, но они покойны за будущее.

Мы, русские, безоглядно живем свободнее. Мы легким сердцем обываем пережить всю свою обывачность, напротив забыв историю и географию России, относительно будущего являясь приблизительно в такому заключению, что куда нибудь да придет все таки, что нибудь да случится, мы в настоящем освобождемся все свои силы и хотим абсолютной свободы. В этом — наша трагедия: мы любим свободу до анархии, хотим сразу всего в настоящем, возможности наши непомерны, и мы бьемся, как бабочка о стекло, только потому, что у нас нет общества, а лишь миллионы людей, в нас нет единой воли, той маховика, который так сильно чувствуется, когда вылезает в Лондон на Черный-Крест. (Нужна была мировая война, чтобы организовать у нас общество, но с каким трудом оно сложилось, и догматично ли оно, не распадется ли вновь?). Мы своевольны и кичуны. Англичане сжаты и покойны за будущее. Каждое из этих свойств и достоин, и тайн в себя начало гибели. Англичане грозят ослепительности, нам, — по-прежнему, затушевый пепел. Вот почему так благоприятно соединение Англии и России для обеих стран, и теперь, когда рухнули старые предрассудки, мы и они так горячо потянулись друг к другу.

Ничто из нас, шести русских журналистов, не ожидал того горячего приема, который устроил нам в Лондоне англичане: и для них, я думаю, это было также неожиданным. Они хотли в эти дни, пригласивших к себе в Английский посол, приветствовать Россию, и только. Выражение их чувств не входило в программу чествования, выработанную по просьбе правительства комитетом обложения Англии с России.

Первый обед, данный нам в вечер привады в Лондон, был прост и благодарен; в коротких речах высказались по существу о грядущей дружбе двух стран и об исторической необходимости этой дружбы. Затянув нас на целый сутки оставили в покое сидеть в роскошной из гостиницы — «Савой», где все было предусмотрено и предупреждалось каждое наше желание.

«Савой» стоит в глубини крытого стеклом двора, где день и ночь подвывает и отходит автомобили. Направо и налево — магазин той гостиницы, свой кафе и драматический театр. Сюда бьются двери лежат чепухами и сумками, которые то появляются из нидры земли на огромных лифтах, то уносятся во внутренность. Сквозь две вершины хрустальных двери проходят военные, военные стражи и женщины. Одни вскакивают в быстро поданные автомобили и пропадают в дождь, туман и сумрак, другие останавливаются в огромном вестибюле гостиницы, заставляемом красными коврами. Здесь, налево, пылают два камин, и между гранитных колонн на кожаных диванах офицеры и дамы пожимают друг друга, курят, читают, играют в карты. Внизу — ресторан, выходящий несколько тысяч человек, направо вверх, лестницы и лифты ведут в номера. В час, в пять, в восемь и в одиннадцатый зал ресторана наполняется. Он обдув и ужины дамы, старик и молодой, приходят все в вечерних платьях с открытыми плечами и руками — исполнение невозможно.

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

И сказал обычно близкий берега и глядя, как быстро движется, развивался по столпам, молчаливая толпа. И видя женщин, для которых вечерние туалеты казались ответственными: одна с дубовитой зачесанной шевелюшкой волос на затылке, в никелевых очках, с унылым лицом, полным шальных забот, одета в розовый газ, не покрывший ни длинных рук, ни ступней; другая следя дама несла свое черное платье, сурово затнутое во лебебно-голубой кисейной муфта...

разговаривая, едва дышит губами. Особенно мужские длали вид, что им все равно: в общественном мьсте нельзя выразить чувств, или, как говорят по-английски: «Сердце не носит на руках». Большинство этих посетителей — средний класс, обычно небывавший в «Савой», но теперь из-за войны, когда их братья, женихи и мужья пошли на войну, они поднялись ступенью выше.

Второй банкеты давало нам правительство под председательством сэра Эдуарда Грея, третий — представители печати и парламента.

Оттого-ли, что мы держали себя просто, ничего не хвалили, не говорили восторженных фраз, или англичане присмотрелись к нам и поняли, что мы готовы всему вверить и не усомнимся ни в дружбе, ни в искренности, только на банкетах с каждым разом встречалась нам горькая и открытая. Герцог Девоинский (прасадатель), выходя в портвейн вливая свои усы, сказал, например, сдобно: «Но совети и не знаю, для чего вы приехали, но вижу, что вы все — хорошие ребята. Надпись, у нас вам понравится. Поэтому, — вышейте за Россию».

А на последнем обеде все англичане встали, вливая с нами встать — на-крест за руки и под музыку зашли древнюю шотландскую песню «Побратимы». Это не входило в программу банкета.

Французская печать об юбилее.

Французская газета статьи отбыва ют 25-летию годовщины заключения франко-русского союза.

В мае п. ст. 1891 года предвартельный договор был подписан Александром Гиббо, занимавшим тогда пост министра иностранных дель, и нашим послом в Париж бароном Моренгеймом. Из этих двух лишь в живых остался г. Гиббо, который сейчас вновь на ответственности посту министра финансов в момент, когда союз между Францией и Россией так блестяще доказал свою пользу для обеих народов.

Договор 1891 года предусматривал только охрану Франции и России от метания о господств, которая уже в то время овладела Германией. Истекши двадцать пять лет позавали, насколько предвидения французских и русских дипломатов были справедливы. Союз парализовал германскую провокацию в дни Алжирской, аннексии Боснии, Агадара, и дни переговоров в 1913 году по вопросу о выходе из Сербии в Адриатическое море.

Газета «Le Journal» пишет: — Стремление Германии овладеть европейской войну, не стремления эти разблани о франко-русский союз, поддержанный Англией, и, таким образом, договор 1891 года в существовании достиг своей цели, гордый план нарушить европейское равновесие потерпел неудачу. Но это лишь одна часть задачи. Нужно добиться нового равновесия, надо создать новую Европу, но теперь уже не договором и не соглашениями, а мечом и огнем.

Из Женевы сообщают: германцы первоначально предполагали сделать из Польши независимое государство-буфер, которое всецело зависело бы от Германии. Эта комбинация не понравилась Австрии. Гинденбург, пользующийся огромным влиянием, и крикнул протестовать против форм скрытой аннексии, предпочитая ей явное отступление.

Эта мысль стало господствующим в Германии. Австрия делегировала Буриана в Берлин для переговоров по польскому вопросу. Дипломаты обеих держав высказали следующие предположения: Германия получит Курляндию и часть Литвы с преобладающим литовским населением; остальные земли северо-западного края возвращаются России; Царство Польское делится на два неравных района: Германия получает неограниченный район с тремя миллионами жителей, а Австрия остальные губернии Царства Польского с девятью миллионами; Германия получает почти всю Сувалскую губернию, присоединив к Литве, далее к ней отходит полосу Ломжинской, Подольской и Варшавской губерний, т. е. Домбровский-Сосновский район, оторванный от Балтской и Петровской губерний. Не ожидаю событий, Германия, как уже известно, отдаст Сувалскую губернию от Царства Польского и в административном отношении присоединит ее к Виленскому округу. Галиция делится на две части: Западная Галиция входит в западную австрийскую часть Царства Польского должна образовать одно целое, входящее в состав Австрии на тех же основаниях, как Крация, присоединенная к Венгрии. Восточная Галиция без русинского района входит с Холмщиной присоединяется к Австрии на положениях обьновленной провинции.

Повишеннее в газетах сообщение о последовавшем распоряжении министерства юстиции относительно прекращения дель, возникших по 103 ст. улом. ул. (оскорбление Величества) не совсем точно. По наведенным «Рус. Сл.» справкам в министерстве юстиции, дель представляется в следующем виде.

Около месяца назад, по неподданному докладу министра юстиции А. А. Хвостова, последовало распоряжение о прекращении дель, возникших по 103 ст. временной и будет осуществляться лишь в период нынешней войны.

Статья 103 гласит: Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозы Их Общ, или в наругательств над Их изображениями, уничижением непосредственно или хотя и заочно, но с делью возбудить неуважение к Их Общ, или в распространении или публично выставлении с той же целью сочинения или изображений, для Их достоинства оскорбительных, наказываются: каторгой на срок не свыше восьми лет.

Если заочный оскорбление, угроза или наругательство унижения, хотя и при свидетелях, или публично, или в распространении или публично выставлении произведений печати, писем или изображений, но без чина возбудить неуважение к Их Общ Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, то виновный наказываются: заключением в тюрьму.

Если же заочный оскорбление, угроза или наругательство унижения, но в состоянии объяснения, то виновный наказываются: арестом.

Дель об оскорблении Величества.

Повишеннее в газетах сообщение о последовавшем распоряжении министерства юстиции относительно прекращения дель, возникших по 103 ст. улом. ул. (оскорбление Величества) не совсем точно. По наведенным «Рус. Сл.» справкам в министерстве юстиции, дель представляется в следующем виде.

Около месяца назад, по неподданному докладу министра юстиции А. А. Хвостова, последовало распоряжение о прекращении дель, возникших по 103 ст. временной и будет осуществляться лишь в период нынешней войны.

Статья 103 гласит: Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозы Их Общ, или в наругательств над Их изображениями, уничижением непосредственно или хотя и заочно, но с делью возбудить неуважение к Их Общ, или в распространении или публично выставлении с той же целью сочинения или изображений, для Их достоинства оскорбительных, наказываются: каторгой на срок не свыше восьми лет.

делью возбудить неуважение к Их Общ, или в распространении или публично выставлении с той же целью сочинения или изображений, для Их достоинства оскорбительных, наказываются: каторгой на срок не свыше восьми лет.

Если заочный оскорбление, угроза или наругательство унижения, хотя и при свидетелях, или публично, или в распространении или публично выставлении произведений печати, писем или изображений, но без чина возбудить неуважение к Их Общ Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, то виновный наказываются: заключением в тюрьму.

Если же заочный оскорбление, угроза или наругательство унижения, но в состоянии объяснения, то виновный наказываются: арестом.

Дарь Москвы флоту.

Московский городской голова М. В. Челюков, по сообщению московских газет, отправляет в Петроград для передачи в флоту Балтийского и Черноморского флотов от г. Москвы, согласно постановлению Думы 14-го июня 1915 г. Балтийскому флоту посылает яхты Спасителя, Черноморскому — яхты Николая Чудотворца. Вместе с яхтами будут посланы грамоты с поздравлениями постановлением Думы. Грамоты сданы на паркетный вид с вклейкой с изображением герба города Москвы.

Реформа «П. Т. Я.»

Столичные газеты сообщают, что утверждено положение совета министров о вторичных изменениях положения о «Петроградском Телеграфном Агентстве». Агентство будет состоять при совете министров. В печатных бюллетенях «Агентства» могут быть помещены, кроме телеграмм, объявления.

Воздушная разведка.

Все внимание неприятеля сосредоточено в данное время на воздушной разведке. Чуть ли не ежедневно, то в одном, то в другом мьсте Воины и Каменицы Подольского района появляются сепара аэронавы и затишья и «депелиты». По нашим аэронавам неприятель стреляет из автоматов. Наши летчики вылетают, после чего начинается пальба, причем неприятельские аэронавы часто притягивают за собой и отсюда стреляют по нашим аэронавам. За последние недели нами, по словам «Вир. Вязь», побито три неприятельских аэронава, сбитых наших в своем частях в Ковельском районе.

Приказ ген. Гинденбурга.

В последнее время в германскую армию стали проникать слухи о том, что Германия намерена в скором времени заключить мир. Слухи эти получили широкое распространение в немецких войсках, и в связи с этим главнокомандующий германской армией Гинденбург издал, [по словам «Ю. Пр.», приказ по войскам, в котором говорится, что слухи о том, что Германия первая заключит мир, вадором, так как влизи являются в настоящее время поблудителями, и что дело поблудной сторами — Россия — это дело войны.

В приказе делье указывается, что Германия, вообще, в настоящее время не склонна к разговору о мире, так как немецкая армия еще не закончила стоющей перед ней задачи, заключающейся в заплати Двинска и Риги. «Когда Двинск и Рига будут заняты нашими войсками», — говорится в приказе, — тогда лишь мы, если Россия согласится на мир, согласимся продолжать свои условия, от которых мы ни в коем случае не отступим».

В заключение приказа Гинденбурга выражается надежда, что немецкие солдаты попрежнему будут бороться с мужеством и отвагой, как это подобает поблудной армии.

Шпионажия в германском тылу.

Во всех сколько-нибудь населенных пунктах германского тыла, на пространствах около 20 верст, на заборках и домиках расклеены плакаты, оговаривающие, что «всякое шпионство в пользу врагов Германия наказуется смертной казней».

В германской армии установлено такое особое вознаграждение за установление шпионажии.

Так как истинные жители, не имеющие разрешения на проживание, привносятся, согласно обязательным постановлениям, в шпионаж, то немецкие солдаты предоставляются свобода в розыске подозрительных лиц.

Некоторые, как пишут «Вир. Вязь», удаются отлучиться от названных солдат, многие же арестовываются и передаются военным властям, причем судятся их остается неизменно.

Мьстные известия.

Высототоржественный день. Вчера, 6 мая, в день рождения Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича в Киево-Соловьевском кафедральном соборе после литургии совершено было торжественное молебствие икартими епископами Киевской епархии в сосудаении прина собора и многоисчисленного духовенства. На богослужении в Храме, переполненном народом, присутствовали главный начальник округа генерал-лейтенант Ходорольчак, Киевский губернатор граф А. И. Игнатьев, вице-губернатор В. Ф. Дель, товарищ городского головы Ф. С. Бурлак, генералитет, представители правительственных и общественных учреждений.

В военно-Наполеонском соборе и Александровской церкви после литургии совершено молебствие в присутствии военсвоих частей и мьстных прихожан. Город с утра был украшен флагами, а ветером замолочившим.

Офицеры-летчики французской армии в Киев. Научившийся в ночь на 6 мая отбывать из Киева группы французских офицеров-авиаторов в посланном мину-

